

Нора Георгиевна Адамян

Свадьба

Арто на свадьбу не поехал. Накануне он поссорился с женой. К утру у него уже отлегло от сердца, и, стараясь говорить, как ни в чем не бывало, он рассудил:

— Сегодня я в ночной смене... Мог бы кто-нибудь вместо меня поработать, да поздно теперь договариваться...

И поглядывал на Софик. А Софик молчала. Надо же когда-нибудь проучить мужа.

«Плохо, плохо мы воспитали наших мужчин», — думала она. Вчера, плача от обиды, Софик не находила для мужа никаких оправданий. Приревновать ее ни с того ни с сего к приезжему человеку, к гостю, с которым она и была-то по обязанности!

Недаром ей поначалу не хотелось сопровождать эту украинскую делегацию. Она так и заявила секретарю райкома:

— Нет у меня светского обхождения.

— И не надо, — сказал Сурен Богданович, — они люди простые. Понимаешь, их делегация разделилась, в Кировакан поехали, в Кафан. А эти больше промышленностью интересуются. Но хорошо бы им что-нибудь такое показать, — Сурен покрутил растопыренными пальцами, — увлекательное.

— Оперу?

— Были они в опере.

— А если я их в субботу на свадьбу повезу в Заревшан? — предложила Софик. — У меня брат двоюродный женится.

— Вот, вот! Повези, — обрадовался Сурен. — Видишь, недаром мы тебе это дело поручаем. Пусть посмотрят, какие у нас партийные работники. Ты еще что-нибудь изысканное надень. Помнишь, в чем второго мая была?

Софик вспомнила свой пестрый ситцевый сарафан и засмеялась.

Сурен Богданович махнул рукой:

— Ну, я ваши ленточки-банточки не понимаю...

Украинцев оказалось трое. Женщина-текстильщица Марина Федоровна в первый же час знакомства сказала Софик:

— Ехала — думала: какая она, Армения? Слышала — в горах люди живут, солнце жаркое. А вижу — и снежок идет, и люди такие же. Вчера на улице чуть не обозналась — думала, что знакомого вижу...

Софик показала, что гостя разочарована.

— Вот повезу вас в горы, посмотрите, — пообещала она.

Один из членов делегации — инженер Карпека был такой чернявый и горбоносый, что к нему все обращались по-армянски. Зато третий гость — Григорий Иванович Панко оказался именно таким, каким Софик представляла себе украинца: высокий, могучий, светловолосый, с добродушным лицом и лукавым прищуром. Депутат Киевского горсовета, он интересовался соревнованием столиц Армении и Украины, шумно выражал свое одобрение, но также открыто сообщал и о том, что ему не нравится.

— Насчет чистоты и городского благоустройства я вам прямо скажу — недотянули, недотянули... Вон мусорный ящик — открыт, ветер бумажки по улицам треплет...

Софик принужденно улыбалась, а сама в эту минуту ненавидела нерадивого дворника, неряху управдома, а заодно и самого Панко.

Марина Федоровна примирительно говорила:

— Будет тебе, Григорий Иванович. Уж будто у нас такого не случается? Ты взгляни сюда — на камне как вырезано. Кружево, да и только!

— Вот люди! Вот мастера! — приходил в восторг Григорий Иванович. — Какая тонкость, а! Удивительно!

Это несколько примиряло Софик с гостем.

В «библиотеке» завода «Арагат», где, вместо книг, хранятся образцы коньяков и вин, у гостей вежливо осведомились, сколько кому лет.

— Тридцать семь, — честно сказал инженер Карпека и получил рюмку золотистого тридцатипятилетнего коньяка.

— Кто ж у женщин это опрашивает? — засмеялась Марина Федоровна. — Вы уж так, что совесть подскажет...

Ей дали душистого хереса, увенчанного золотой медалью за свои отменные качества.

— В сорока сознаюсь, — молодцевато объявил Григорий Иванович.

Нацеживая темной жидкости из краника, вделанного в стену, винодел сказал:

— А если б вам сорок пять... Совсем другой букет!

Григорий Иванович осушил рюмку и сокрушенно признался:

— Вот ведь именно сорок пять. Как-то при дамах не решился, и, прямо скажем, несправедливо получилось.

Пришлось восстановить справедливость.

После подвалов «Арарата», солнечный зимний день ударил в глаза светом, взбудрил свежестью.

Теперь они ехали на завод, где Софик начинала свою трудовую жизнь, где она встретилась с Арто, где в самом большом цехе комсомольцы справляли их свадьбу. Сейчас этот цех не самый большой, куда там! Завод перестроен, установлено новое оборудование. И все-таки в углу стоит старенький станок, на котором она работала. Тут все связано с ее юностью. Софик улыбалась, думая, что Арто сегодня опять ждет ее в этом цехе. Утром она предупредила, что привезет на завод гостей.

Оживился молчаливый инженер Карпека. Ему очень понравилось, как остроумно виноделы используют солнечную энергию. Выкрасят бочки в черный цвет — и на солнце! А насколько это сокращает срок созревания вина! — Ой, замечательно... — певуче тянула Марина Федоровна, усмехаясь чему-то своему.

А Григорий Иванович, сидевший с шофером, повернулся к ним и вдруг неожиданно увидел удлинённые яркие глаза Софик, ее тонкие брови, улыбку, и кто его знает, что он в ней еще разглядел!

Только с тех пор он все искал удобного случая поделиться этим открытием с людьми, сказать: «Да посмотрите же, взгляните, как это хорошо!»

Они прошли по заводскому двору, сопровождаемые любопытными взглядами.

— Кого привезла, Софик? — спрашивали ее знакомые и, узнав, улыбались: — Гости с Украины... Что ж, показывай, ты все здесь знаешь.

Директор, старый ее товарищ, сказал с укором:

— Раньше бы предупредила. У нас слесарь молодой есть, Каро Григорян, стихи Шевченко на украинском языке шпарит без остановки. Как нарочно сегодня в ночной смене.

— Ничего, — отмахнулась Софик. — Что они, стихов Шевченко не знают? Ты новый цех покажи.

Цех показывал Арто. Он издали незаметно кивнул жене, и она кивнула ему в ответ.

Потом в парткоме гостей угощали бутербродами и лимонадом. Говорили о делах и планах завода. Директор похвалился:

— А главное, людьми гордимся. Имеем такое право. К примеру, ответственный партийный работник товарищ Софик Дастакян — тоже на нашем заводе выросла. Наш кадр.

Тут Григорий Иванович и выразил свое восхищение.

— Да уж эта ваша Софик! — подхватил он. — Вы только посмотрите, какие глаза у нее! Удивительно!

Софик тотчас взглянула на Арто. Он безуспешно пытался сохранить доброжелательную улыбку.

Директор возразил наставительно и веско:

— Мы ее не за это ценим.

Но Григорий Иванович не сдавался:

— Напрасно! Красоту в человеке надо ценить...

Арто вышел из комнаты. По счастью, гости ничего не заметили. Дома он угрюмо заявил:

— Не поедешь с ними в Заревшан...

И, постепенно накаляясь, обрушился на жену. Это что за слова были сказаны? Это до чего дошло, что при муже посторонний человек так говорит? Его

касается, какие у Софик глаза? И как должен был в данном случае вести себя Арто? Тряпкой он будет, если теперь отпустит жену в Заревшан на свадьбу.

Софик только изредка вставляла:

— Тише, мальчики услышат...

Или:

— Не говори того, о чем завтра пожалеешь...

Потом она легла на тахту и поплакала. Но когда слезы иссякли, стало смешно: ревнует! После пятнадцати лет замужества! И даже ехать запретил, чепуха какая! А все оттого, что она всегда с ним соглашается. Например, летом можно было отправить детей в хороший лагерь, но Арто распорядился: «Поедут в село к родне». И слова не дал ей сказать: «Ты в райкоме хозяин, а я в своем доме хозяин».

В Заревшане мальчики пасли скот, охотились на косуль и кабанов, за лето вытянулись, похудели и почернели.

«Мы ели сердце и мозги горного оленя, теперь будем жить сто лет», — захлебываясь, рассказывал Сережа. Софик не удержалась: «Узнаю рецепты долголетия дяди Шамира — есть оленьи мозги и не читать книг, да?» Арто смутился: «Я думаю, насчет книг он им не говорил».

...Сейчас следовало выдержать характер. Арто вел себя так, будто вчерашнего разговора и не бывало. Спрашивал о подарках для невесты, хотя отлично знал, что они давно куплены и уложены в чемоданчик. Софик отвечала односложно — да, нет. Арто добивался, чтоб она сказала ему хоть два слова — и тогда мир был бы восстановлен.

— Конечно, мне ехать нет смысла. Я там летом был, со всеми повидался. И Амину эту видел — невесту. Она частенько с кочевков к тете Аспрам прибегала — то за солью, то за ситом.

— Хорошенькая? — не утерпела Софик.

Вот и помирились. Арто облегченно вздохнул и степенно ответил:

— Девушка как девушка. Руки-ноги есть. Я ведь не охотник чужие глазки рассматривать.

Машина, как обычно в таких случаях, запоздала. За Софик приехали уже в одиннадцатом часу. Мальчики ходили в школу во вторую смену и потому все утро провели с матерью.

— Ма, привези маленького тура, — просил младший, Михак. — Мне дядя Шамир обещал.

Софик не любила уклончивых ответов.

— Нет. В городе нельзя держать тура.

— Ну, тогда горную курочку. Она будет в клетке жить.

— Нет.

— Ну, тогда напомни дяде Шамиру — он мне ножик обещал.

С мальчиками было трудно расстаться даже на два дня. Они уже стали верными товарищами. Когда обветренная, с кирпичным румянцем, Софик по вечерам приезжала с поля, где испытывали трактор, работающий на электроэнергии, или возвращалась со стройки, сыновья стаскивали с нее пыльные сапожки, разогревали обед и тут же требовали подробного отчета. Навалившись животами на обеденный стол, они вставляли в ее рассказ свои соображения и замечания. Арто посмеивался, но быстро увлекался и вступал в беседу.

— Трое мужчин моего дома, — так называла их Софик и так представила гостям, когда они вышли проводить ее к машине.

— Ой, да мы знакомы! — искренне обрадовался Григорий Иванович и долго тряс руку Арто. — Мы же вчера на заводе познакомились, верно? Разве не помните? — взывал он.

Совершенно оттаявший Арто тащил гостей в дом:

— На минутку, по стаканчику вина...

Мужчины готовы были уступить. Хорошо, что Марина Федоровна не согласилась:

— И так запоздали. Не следует путь перебивать.

Долгая дорога, знакомая дорога! Взлет над городом — и вот уже он остался в долине, подернутый синеватой дымкой. А дальше — путь к темнеющим в небе горам. Сколько езжено этим путем на ленивых, тряских телегах, сколько хожено пешком в далекие годы юности!

Все знакомо! Одетый мостиком ручей, выбегающий из садов прямо на дорогу. Серый камень, грозно нависший над шоссейной колеей. Весной на нем цветет шиповник, сейчас он густо напудрен снегом. Широкая долина... Села Ахошен и Капутгюх — как рассыпанные спичечные коробки на склонах гор. И высоко в ущелье — Заревшан.

В доме дяди Шамира предсвадебная суэта. Старик женит младшего сына Арсена. Жених — зоотехник, участник сельскохозяйственной выставки. Свадьба ожидается большая. Недаром Софик приехала из города и гостей привезла.

Еще накануне Арсен с товарищами отправился за невестой. Путь лежал не ближний — через горы, в большое село соседней республики — Азербайджана.

Молодых ждали с часу на час. Тетя Аспрам, командующая целым штатом помощниц, урывала время, чтобы пошептаться с Софик.

— Я-то давно замечала — все у него на азербайджанских кочевках дела. Сегодня поехал, завтра поехал. Ну, что скажешь — дела! Только когда она сама пришла, будто закваски для сыра взять, — тут я себе палец и прикусила! Прерывая рассказ, тетка повелительно кричала:

— Варсик, Аник, блюда для хашламы приготовьте! Да не эти — круглые. Ох! Говорят: дочку замуж выдавать — хлопотать, сына женить — отдыхать. А я и дочек выдавала — с ног сбивалась, и сына женю — покоя не имею. Все-таки люди не нашей нации. Вдруг недовольны останутся, осудят...

— Ты меня слушай, жена, — приказывал дядя Шамир, — я тебе говорю: главное — чай! Чтоб был крепкий, сладкий, и на столе чтоб халва, конфеты были. Ты мне верь.

— Три самовара приготовили, — вздыхала тетя Аспрам, — в магазине конфет не осталось, все мы купили. Да еще Софик из Еревана привезла.

Прибежала соседская девчонка, подросток. Косясь на Софик, громким шепотом спросила:

— Муж-жена среди гостей есть? Или всем отдельно стелить?

— Неужели это Нварт такая большая? — удивилась Софик.

— Не говори, — вздохнула тетя Аспрам, — свои невесты под боком растут, так нет, надо взять из другого края! Я ничего не говорю, — заторопилась она, увидев, что Софик нахмурилась, — девушка хорошая, техникум кончила, родители, уважаемые... Ах, Софик, родная, лишь бы любили друг друга!

Карпеку и Григория Ивановича отправили к соседям — отдохнуть перед свадьбой. Их уложили на огромные тюфяки, набитые тончайшей шерстью, укрыли стеганными из той же шерсти легкими одеялами.

Марина Федоровна отдыхать отказалась. Тихо, незаметно она включилась в работу по хозяйству, будто для нее было привычным делом нарезать ножницами плоский хлеб — лаваш или снимать с потолка в кладовой подвешенные на зиму гроздья винограда.

Софик тоже хотела помочь, но тетя Аспрам ласково отстраняла племянницу:

— Иди, не твое дело... — И все повторяла: — А помнишь, как ты скатилась по этой лестнице? А помнишь, за этим столом ты уроки учила?..

В комнате молодых Софик переделалась в новое платье и причесалась. Она знала, что сегодня, сдерживая гордость, дядя Шамир будет говорить: «А это племянница моя, большой человек стала. В райкоме партии, что ли, работает... Для меня как была Софик, так и осталась»...

На зимнем зеленовато-прозрачном небе зажглась первая трепещущая звезда. Софик стояла на балконе, вдыхая морозный, пахнувший самоварным дымком воздух. Отсюда было видно все село — дома на высоких цоколях, оголенные фруктовые деревья по склонам гор — новая затея председателя колхоза Оганеса. Темной ниточкой в заснеженном ущелье тянулась дорога, по которой ехали молодые.

Их встречали музыкой — переливалась, захлебывалась зурна, празднично грохотал бубен. «Победа» и два «Москвича» ехали медленно, потому что впереди бежали дети, взбирались на подножки машин, заглядывали в окна. Неподалеку от дома машины остановились. Первым выскочил родственник невесты — молодой парень с черными усиками. Он водрузил себе на голову большое круглое блюдо с пловом, украшенным фруктами, конфетами и горящими свечами. За ним шли жених и невеста. У Амины из-под красного пальто виднелось длинное, почти до земли, свадебное платье.

С трудом вылезла из «Москвича» грузная Гюльсанам, мать невесты. Маленький Ильяс бережно поддерживал жену, помог ей отцепить от дверцы машины кисти белой шелковой шали, и повел за молодыми.

Окруженное соседями, приглашенными и любопытными, свадебное шествие направлялось к дому Шамира. На пороге стоял сам старик с Аспрам, Софик с гостями. Марина Федоровна держала в руках на расшитом украинском полотенце каравай хлеба, увенчанный серебряной солонкой.

С волнением смотрела Софик, как встретились две женщины — матери, кровь которых теперь сольется во внуках и даст жизнь новым поколениям.

Сухощавая, угловатая тетя Аспрам расцеловалась с кругленькой Гюльсанам, обняла ее за плечи и ввела в дом, будто забыв обо всех остальных.

Хлопая друг друга по плечам и бокам, расцеловались председатели колхозов — горячий, шумный Оганес Амирян и добродушно-хитрый Кязимов.

— Украли яблоко из твоего сада? — хохотал довольный Оганес.

Кязимов качал головой в низкой каракулевой папахе, разводил руками и отвечал певучим стихом древнего сказителя:

От солнца летом сад не сбережешь,
На поле ляжет град — не сбережешь...
И юность, будь властитель иль мудрец,
Ты от любви стократ не сбережешь...

Это была веселая свадьба! Невеста с золотыми подвесками в ушах и ожерельем из маленьких золотых монеток держалась просто, без жеманства. Она не была хороша — слишком густые брови, смуглое грубоватое лицо... Но Арсен замирающим от счастья голосом шепнул Софик:

— Знаешь, сестра, я думаю, такой, как она, не только в нашем районе, а даже в Ереване нет.

Дядя Шамир, разливая по рюмкам персиковую водку, провозглашал тосты:

— Народ говорит: материю выбираешь — на кромку смотри, жену выбираешь — на ее мать смотри.

Все поднимали стаканы за здоровье Гюльсанам, и она, покрасневшая, улыбалась доброй широкой улыбкой, кланялась гостям, а дядя Ильяс благодарственно прижимал к груди руку.

Музыканты играли не переставая. У дудукиста налилось кровью лицо, покраснели глаза. Чтобы дать им отдохнуть и подкрепиться, завели патефон. По дому плавали густые запахи жирной хашламы, острых солений, терпкого крестьянского вина.

Девушки уже разливали по стаканам темный, густо настоенный чай. Тетя Аспрам вынесла сласти. Перед почетными гостями она поставила большую хрустальную вазу в форме лилии на длинном серебряном стебле.

Аспрам поднесла вазу с такой подчеркнутой бережностью, а дядя Шамир так значительно подмигнул, что гости не могли не обратить внимания на хрустальную лилию.

— Хороша, — сказала Марина Федоровна. — Старинная?

— Да уж, — ответил дядя Шамир, наполняясь гордостью, — лет пятьдесят в моем доме живет.

— Неужто? — спросил Григорий Иванович. Спросил просто для приличия. В эту минуту он, конечно, не задумался, откуда полвека назад такая дорогая и по существу бесполезная вещь могла появиться в доме армянского крестьянина.

Но для дяди Шамира его слова были сигналом к действию. Подвыпивший, шумный, он поднял вазу за ножку, перевернул ее над столом так, что конфеты в разноцветных обертках рассыпались по всей скатерти.

— Ты грамотный? Читай! — кричал старик. — Здесь все написано. Мне за лучшую джигитовку на военном смотре — первый приз. Сам генерал — из рук в руки. Со всего округа ходили смотреть на эту вещь.

Софик десятки раз слышала историю вазы. И не только эту. У хрустальной лилии была еще одна история. Теперь, когда дядя Шамир высыпал сласти, стало видно, что красивая ваза разбита. Она была заботливо, но неумело оклеена темным клеем с пустотами на местах потерянных черепков.

— Что ж вы ее не уберегли? — с сожалением спросила Марина Федоровна.

Наверное, не надо было об этом спрашивать. Не надо было отвечать. Не надо было вспоминать. Слишком много горя приносила в прошлом кровавая вражда азербайджанцев и армян.

Лучше бы всего стереть память о далекой ночи, когда здесь стоял еще другой дом — низенький и темный. Когда женщина накрыла детей паласом и, холодея, прислушивалась к каждому шороху. Все село притаилось — ждали гибели, меча, огня. С той ночи поседела Аспрам, а ей тогда и тридцати не исполнилось. Кто был виноват в крови, проливаемой двумя братскими народами? Не она с детьми и не тот одурманенный, натравленный человек, который распахнул двери ее дома в ту ночь...

Что понимают дети? Они сбросили с себя палас и подняли головы. Аспрам сперва кинулась к ним, потом к тому, кто вошел. «Сосед!» — крикнула она. — «Брат!» — крикнула она.

Человек отступил. Но нож, поднявшись, должен был опуститься. Он с силой врезался в убогий шкаф...

Но вазу все-таки удалось склеить.

Конечно, сейчас об этом никто не стал подробно рассказывать. Но, видно, много выпил дядя Шамир на свадьбе своего младшего сына. Иначе он,

умудренный жизнью человек, воздержался бы и от тех нескольких слов, которые вылетели у него при новой родне и гостях, при людях с Украины...

Софик увидела, как содрогнулось приветливое лицо тети Гюльсанам, как помрачнел Кязимов, опустил глаза веселый Оганес и замолчал Григорий Иванович.

И напрасно пытался шутить вежливый Ильяс, протягивая руку за очередным стаканом:

— Законны два стакана чаю... После пяти — пей, не считая!..

В его умных, живых глазах тоже не было веселья.

Немного погодя Софик вышла на балкон. Вдали над горами уже светлело небо. Любопытные соседи и ребятишки, весь вечер толкавшиеся под окнами, разошлись по домам.

В глубине балкона кто-то стоял. Софик подошла ближе.

Гюльсанам раскачивалась и тихо стонала, дядя Ильяс гладил ее по плечу.

— Зачем принесли эту вазу, — плакала женщина, — камень положили мне на сердце...

Старик тихо что-то сказал.

— Нет, — не унималась Гюльсанам, — нет, нет... Внуки мои с детства эту вазу увидят — спросят... Ах, почернел мой счастливый день... Уедем домой!

Софик подошла к ним и обняла тетю Гюльсанам.

— Никто не хотел обиды, — горячо сказала она.

Дядя Ильяс молча курил.

В комнате шумела, пела и танцевала молодежь, которой не было дела до старых счетов и старых обид. Но какое же оно было, это прошлое, если даже тень его омрачала такой счастливый вечер!

Софик почти силой привела стариков обратно в комнату. Гости притихли, и напрасно дядя Шамир подливал им вина.

— Спивай, спивай, — угощал он Григория Ивановича, уверенный, что предлагает ему выпить.

— А ну, музыканты! — крикнула Софик. — Повеселей что-нибудь. Плясать будем!

Заиграли отдохнувшие музыканты. Дробно застучал бубен, запела, залилась тара, загудел дудук. Софик подняла руки и помчалась на своих тоненьких каблукках. Она никогда не училась танцевать, все армянки танцуют не учась. Она плясала, не думая о своих движениях, ее вела знакомая с детства музыка. Люди стоя хлопали в ладоши. Софик заметила, как Оганес с досадой отодвинул вазу подальше...

Хорошо жить, трудиться, любить, ненавистно все, что мешает человеческому счастью!

Софик вытянула за руку невесту. Крупная, рослая девушка поплыла по кругу с неожиданной легкостью. На ее груди бились бусы, в ушах звякали подвески. Запыхавшись, Софик остановилась возле дяди Шамира. Теперь танцевала одна невеста, смущенно и радостно улыбаясь жениху, родителям, гостям. Сейчас и Софик разглядела ее милую красоту. Но лицо тети Гюльсанам точно потухло. Она не ответила на дочерину улыбку.

Это увидел и Шамир Симонян. Он был умным и добрым человеком. Он, верно, и сам догадался бы сделать то, о чем ему чуть слышно шепнула Софик...

Музыка играла все громче. Невеста все быстрее перебирала лаковыми туфельками. И когда она поравнялась с дядей Шамиром, старик быстрым движением схватил со стола вазу и бросил ее к ногам матери своих будущих внуков.

Ох, как весело брызнули по комнате сотни сверкающих осколков...